Татьяна Матасова

Становление и развитие итальянской русистики в XX в. как научная проблема*

Tatiana Matasova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Genesis and progress of russian studies in Italy in the 20th century as a scientific problem

DOI: 10.31857/S086956870009265-2

Одним из значимых следствий взаимодействия русской и итальянской культур в последней четверти XV — первой трети XVI в. стало появление первых описаний Московии, составленных итальянскими путешественниками и гуманистами — Иосафатом Барбаро, Амброджо Контарини, Альбертом Кампенским, Павлом Йовием. Их сочинения стали классикой европейской «россики». Именно на эту эпоху пришлось зарождение интереса к России в итальянских государствах. Особенно он активизировался в XVIII—XIX вв., когда торговые, культурные и политические связи Российской империи с итальянским миром становились всё более интенсивными. Себастьяно Чампи был в числе тех, кто в первой половине XIX в. «открыл» славянскую проблематику не только в познавательном или религиозном (миссионерском) смысле, но и в чисто научном ключе. Русские учёные и дипломаты, не один год проведшие в итальянских архивах

в поисках свидетельств о России — Е.Ф. Шмурло, Н.В. Чарыков и др. — сыграли колоссальную роль в складывании образа России и зарождении научного интереса к истории и культуре нашей страны в Италии рубежа XIX—XX вв. Однако подлинное становление итальянской славистики (и русистики как одной из главных её составляющих) пришлось на первую половину XX в.

Особенностью итальянской славистики является то, что за XX столетие на этом поле сформировалась развитая научная школа, представители которой вышли далеко за рамки изучения отношений славянских культур, вступили на путь постижения славянской — и в особенности русской — цивилизации в самых разнообразных её аспектах. В России же, к сожалению, труды итальянских русистов, написанные в большинстве на родном языке их авторов, не всегда известны широкому кругу историков. Исключением стали работы Риккардо

* *Маццетелли Г.* Очерки итальянской славистики: Книги, архивы, судьбы / Ред. и пер. с итал. М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2018. 296 с.

Материал подготовлен в рамках деятельности Выдающейся научной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Пиккио, посвящённые древнерусской литературе, но он принадлежал ко второму поколению итальянских славистов, и потому его наследие невозможно адекватно оценить без знакомства с трудами «отцов-основателей». В узких кругах российских учёных приобрело известность исследование Анджело Данти о «Слове о полку Игореве», а также труды ещё нескольких славистов второго и третьего поколений — прежде всего Марчелло Гардзанити, Витторио Страды, Пьеро Каццолы, Стефано Каприо, Джованни Манискалько-Базиле, Джованни Сьедины, Клаудии Скандуры, Марио Капальдо, Артуро Грациози, а также организаторов международного семинара «От Рима к Третьему Риму» — Пьеранджело Каталано, Паоло Синискалько и др. Во многом это объясняется тем, что программные исследования этих учёных написаны на русском языке и/или есть их переводы. Даже проведённые во время перестройки чтения в честь Этторе Ло Гатто — одного из «отцов-основателей» итальянской русистики¹, не изменили ситуацию. Значимым событием для российских научных кругов в деле популяризации сведений об истоках итальянской русистики стал выход в свет обстоятельных размышлений выдающегося советского и российского историка архитектуры и реставратора С.С. Подъяпольского, посвящённых труду Э. Ло Гатто об итальянских архитекторах в России. Автор дал самую высокую оценку труду Ло Гатто, специально отметив важность знакомства с его наследием². Труды итальянских коллег (как названных выше, так и многих других) отличаются оригинальностью подходов и глубиной выводов, а мысль о том, что славянская книга — «непреложный “кирпич” в цельном здании современной итальянской цивилизации»³ не является преувеличе-

нием. Более того, само становление и развитие итальянской русистики — важная страница в европейском научном осмыслении истории России в XX в., значимый и интересный опыт размышлений западных интеллектуалов о месте России в Европе.

В силу этих обстоятельств публикация на русском языке книги Габриэле Маццителли, посвящённой открытию итальянскими учёными XX в. России как объекта научного исследования — филологического, исторического, культурологического — без сомнения, является крупным и своевременным научным событием. Книга представляет собой сборник самостоятельных очерков, объединённых общей идеей: показать развитие итальянской славистики (в первую очередь — русистики) на протяжении XX в., раскрывая как главные страницы истории изучения России в Италии, так и обращая внимание на малоизвестные сюжеты взаимодействия двух культур. Сборник адресован русским читателям, перед которыми не только разворачивается картина становления и развития интереса к России на Апеннинском полуострове, но и раскрываются судьбы протагонистов этого движения.

Истоки этого направления неразрывно связаны с жизнью «отца-основателя» итальянской русистики Э. Ло Гатто. «Russia», первый итальянский журнал, посвящённый русской культуре, выходил в 1920-х гг. и был едва ли не личным его делом. В интервью, с которого и начинается сборник, Ло Гатто обмолвился: «На самом деле именно я и был журналом “Russia»» (с. 38). Неудивительно, что первая часть книги Маццителли полностью посвящена Ло Гатто — настоящему первооткрывателю русского мира в его научном измерении.

Именно Ло Гатто, плодовитому учёному и подлинному проповеднику

русской культуры, принадлежит грандиозная заслуга: перевод главных произведений русской классической литературы на итальянский язык. Среди них — стихотворный перевод «Евгения Онегина» и других произведений А.С. Пушкина, рассказов и пьес А.П. Чехова («Дядя Ваня» в переводе Ло Гатто — одна из пьес, по сей день не сходящих со сцен итальянских театров), главных сочинений Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова и многих других русских писателей «первого ряда».

Ло Гатто интересовало и восприятие родной ему итальянской культуры в России. Он перевёл на итальянский «Образы Италии» П.П. Муратова — настольную книгу не только любого русского итальяниста, но и сколько-нибудь образованного человека, собирающегося посетить Италию. Примечательны слова Ло Гатто о Муратове: «Павел Павлович знал Италию намного лучше, чем многие профессиональные исследователи итальянского искусства» (с. 38). На поле изучения и популяризации русской культуры в Италии заслуги самого Ло Гатто ничуть не меньше. Его книга «Миф Петербурга», впервые изданная в 1961 г. и выдержавшая несколько переизданий (последнее — в 2019 г.), служит прекрасным путеводителем для эрудированных итальянцев, отважившихся на путешествие в «Северную Венецию», своей чарующей красотой во многом обязанную мастерству итальянских зодчих.

В книге Маццителли «пионер славистики» Ло Гатто справедливо предстаёт человеком, действительно отдававшим все свои ресурсы (не только интеллектуальные и временные) этому благородному делу: на личные средства он не только издавал журнал, но и предпринимал другие общественно значимые инициативы, связанные с изучением России.

В первой части кажется особенно важным как раскрытие перед читателями личности Ло Гатто (в том числе через публикацию его писем к разным лицам)⁴, так и интерес Маццителли к частным на первый взгляд сюжетам из жизни учёного. Среди таких сюжетов — отношения Ло Гатто с одним из идеологов фашизма Джованни Джентиле. Нельзя забывать, что становление итальянской русистики пришлось на время утверждения и господства диктатуры Б. Муссолини, и автор отмечает это хронологическое совпадение, рассказывая о судьбе библиотеки им. Н.В. Гоголя (с. 229). Маццителли удалось показать, что Ло Гатто всегда отличала предельная научная честность, он никогда не шёл на идеологический компромисс в ущерб научным результатам. Примечательно, что в конце 1930-х гг. Ло Гатто высказал (в издании, курированном Джентиле) мысль о том, что Россия — не просто «интересный для исследования регион», а неотъемлемая часть европейского мира (с. 102—106). Ценность этого вывода особенно заметна, если учесть, что в 1930-х гг. Ло Гатто был запрещён въезд в СССР.

Своего героя Пьеро Каццолу — выдающегося итальянского русиста второго поколения — М.Г. Талалай назвал «адвокатом русской культуры»⁵. Думается, это определение справедливо и по отношению к Ло Гатто. Оно подчёркивает и удивительную преемственность научной традиции, отличающую итальянскую русистику середины XX в. Эта преемственность неудивительна: одним из главных источников итальянской русистики поры её становления было знакомство с идеями русских религиозных философов. Замечено, что Ло Гатто воспринимал разрушение православных святынь в СССР в 1920-х гг. совершенно так же, как и о. Павел Флоренский. Подобная близость — про-

явление весьма глубокого понимания Ло Гатто основ русской культуры, его погружения в лучшие традиции русского мира⁶.

Введённые в научный оборот материалы личной переписки Ло Гатто с О. Кампой, Дж. Джентиле, Дж. Мавером и др. имеют огромную научную ценность. Хочется верить, что в дальнейшем они будут использованы при написании развёрнутой научной биографии Ло Гатто, которая, несмотря на большой интерес в последние годы к его личности и архиву, хранящемуся в Национальной библиотеке Италии в Риме, пока не написана.

Во второй части книги раскрыты отдельные сюжеты, связанные с судьбами славистов первой половины XX в., в России практически неизвестных. Можно сказать, что так автор выполняет завет, данный Ло Гатто: воссоздать ту культурную среду, в которой шло рождение славистики в Италии (с. 15—20). Во второй части книги речь идёт о тех, кто собирал библиографические материалы, связанные со славянским миром (и с Россией в первую очередь) — Аурелио Пальмери, Энрико Дамиани и Джованни Мавера⁷. И если Пальмери и Дамиани — фигуры значимые, но всё же не первостепенные, то Мавер — второй «отец-основатель» итальянской славистики. Среди учеников Мавера — Санте Грачотти, внесший серьёзный вклад в развитие избранной им области⁸. К большому прискорбию, в отличие от Ло Гатто, всё же известного в России, имя Мавера знакомо лишь немногим российским историкам. Он не оставил объёмного наследия в виде монографий, статей и переводов, как Ло Гатто, но всё же изучал славянский мир не менее увлечённо и вдумчиво.

Маццителли сопоставил манеру научного творчества Мавера и Ло Гатто и пришёл к выводу о том,

что «Мавер старался заложить прочную основу для славистики, в то время как Ло Гатто служил её глашатаяем. Мавер заботился о фундаменте, Ло Гатто — об отделке» (с. 178). И тот факт, что «Ло Гатто оставил тексты, уже готовые к печати, Мавер — множество зачастую неразборчивых записей», вовсе не умаляет значения Мавера. Воистину, «в... истории Этторе Ло Гатто и Джованни Мавера заключена героическая эпоха нашей славистики» (с. 173). Это утверждение Маццителли представляется взвешенным и справедливым.

В приведённых в книге Маццителли фактах и размышлениях о роли Дамиани и Пальмери в становлении славистики в Италии интересными кажутся детали, касающиеся их связи с католической Церковью и её миссией на Востоке. Рождение итальянской славистики в 1920—1930-х гг. проходило не только в атмосфере фашистского режима, но и во время небывалой активности Папского Восточного института. И если от политического режима слависты стремились держаться насколько возможно дальше, то традиционный интерес Ватикана к России в ту пору лишь подогревал занятия русистикой, что объективно шло этой области знания только на пользу. Так, известно, что в 1930-х гг. советская власть, отчаянно нуждавшаяся в деньгах, продавала за границу многие культурные ценности в частности русские средневековые рукописи. Часть из них купил Ватикан. Благодаря усилиям католических учёных эти памятники были не только спасены, но и всесторонне изучены⁹.

В третьей части книги собраны материалы, связанные с отдельными малоизвестными эпизодами взаимного влияния русской и итальянской культур: бытование в Италии изданий московского первопечатника Ивана Фёдорова, впечатления главного «рус-

ского римлянина» XIX в. Н.В. Гоголя от приезда в Рим императора Николая I, печальная судьба основанной в 1902 г. в Риме библиотеки имени Гоголя, история журнала «Советская культура», родившегося на волне небывалого авторитета коммунистов в Италии после 1945 г. Эти очерки — весомый вклад в копилку сведений о русско-итальянских связях в их самых неожиданных проявлениях.

Собранный в книге материал не является целостным рассказом обо всех вехах развития итальянской славистики, но иначе как уникальным его не назовёшь. Тексты Маццителли обнаруживают широту и глубину архивного и библиографического кругозора их автора, его искреннюю заинтересованность в раскрытии перед российским читателем интереснейших деталей биографий и творческого пути итальянских русистов, где причудливо соединились самые высокие идеалы стремления к истине, гражданской ответственности и гуманизма с личными переживаниями и устройством своей судьбы.

Книга Габриэле Маццителли, блестяще переведённая Михаилом Талалаем, — настоящий подарок для российского читателя и в первую очередь для историков России. Эту работу можно смело назвать не только значимым итогом кропотливой и вдумчивой работы её автора, но и настоящим его успехом. Нисколько не сомневаюсь, что книга доставит большое удовольствие и принесёт пользу всем, кому небезразличен опыт осмысления русской истории и культуры в Европе в полном тревог и надежд XX столетия.

Примечания

¹ Италия и славянский мир: Советско-итальянский симпозиум in honorem Professore Ettore Lo Gatto. М., 1990.

² *Подьяпольский С.С.* О книге Э. Ло Гатто. Послесловие через полвека // *Подьяпольский С.С.* Историко-архитектурные исследования: Статьи и материалы. М., 2006. С. 220—260.

³ *Талалай М.* Предисловие редактора // *Маццителли Г.* Очерки итальянской славистики: Книги, архивы, судьбы. М., 2018. С. 9.

⁴ Особенно ценно, что в книге представлены многие детали, которые не слишком ярко освещены в автобиографической работе Э. Ло Гатто «Мои встречи с Россией», вышедшей в издательстве «Кругъ» на русском языке в 1992 г.

⁵ *Талалай М.Г.* Пьеро Каццола — адвокат русской культуры // Россия и Италия. Вып. 4. Встреча культур. М., 2000. С. 323—328.

⁶ *Матасова Т.А.* Отражение традиций русской религиозной философии в итальянской русистике XX века: памятники русского средневековья глазами Этторе Ло Гатто // Историческое обозрение. Т. 19. М., 2018. С. 102—108. В книге Маццителли есть раздел про первые посещения Ло Гатто Советского Союза в начале 1930-х гг. (*Маццителли Г.* Указ. соч. С. 114—136), хотя отмеченный мной сюжет в рассматриваемой работе никак не отражён (что я, впрочем, ни в коем случае не ставлю в вину автору: нельзя объять необъятное).

⁷ В начале 1960-х гг. вышла обстоятельная рецензия И.С. Дуйчева на книгу Р. Пиккио «История древнерусской литературы» (Milano, 1959), в начале которой упомянуты имена этих учёных, а также имя Ло Гатто (*Дуйчев И.С.* Итальянская книга по истории древнерусской литературы // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 18. М.; Л., 1962. С. 552—568), однако у меня нет уверенности, что основная масса российских исследователей знакома с наследием этих людей и их вкладом в изучение России и славянского мира.

⁸ О нём см. статьи М. Капальдо, П. Маркезани, Й. Йеркова, О. Пачловской, Ч. Альцати в выпуске журнала «Ricerche slavistiche», специально посвящённом юбилею учёного (Ricerche slavistiche. NS. Vol. 6 (LII). 2008). О роли Мавера в становлении славистики писал и сам Грачотти (*Graciotti S.* La slavistica che ho amato prima del terzo millennio // Ricerche slavistiche. NS. Vol. 6 (LII). 2008. P. 29—40).

⁹ Catalogo dei manoscritti slavi del Pontificio Istituto Orientale di Roma / Ed. V. Poggi, A. Dzurova, K. Stancev. Roma, 1997. См. также: *Poggi V.* Manoscritti slavi del Pontificio Istituto Orientale // Orientalia Christiana Analecta. Roma, 2000. P. 117—143.